

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ЕЁ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В БЕЛОРУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Шандроха Н.Э. Email: Shandroha690@scientifictext.ru

*Шандроха Нонна Эдмундовна – кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра белорусской филологии, филологический факультет,
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь*

Аннотация: в данной статье рассматривается выявление особенностей реализации интертекстуальности как основной категориальной характеристики в современном художественно-публицистическом дискурсе. В частности, акцентировано внимание на особенности трансформации прецедентных феноменов и их проявления в белорусской художественной публицистике. Источником художественной публицистики является отечественная проза белорусского писателя В. Казько, где интертекстуальность помогает введению текста в более широкий культурно-литературный контекст.

Ключевые слова: художественная публицистика, интертекстуальность, публицистический дискурс, трансформация, прецедентный феномен, диалогизация.

INTERTEXTUALITY AND ITS FUNCTIONING IN BELARUSIAN ARTISTIC AND PUBLICISTIC DISCOURSE

Shandroha N.E.

*Shandroha Nonna Edmundovna – PhD in Pedagogic Sciences, Associate Professor,
DEPARTMENT OF BELARUSIAN PHILOLOGY,
PHILOLOGICAL FACULTY,
YANKA KUPALA STATE UNIVERSITY OF GRODNO,
GRODNO, REPUBLIK OF BELARUS*

Abstract: this article examines the identification of features of the implementation of intertextuality as the main categorical characteristic in modern artistic and publicistic discourse. In particular, attention is focused on the peculiarities of the transformation of precedent phenomena and their manifestation in Belarusian art journalism. The source of artistic journalism is the domestic prose of the Belarusian writer V. Kazko, where intertextuality helps to introduce the text into a broader cultural and literary context.

Keywords: artistic journalism, intertextuality, journalistic discourse, transformation, precedent phenomenon, dialogue.

УДК 808.5

Интертекстуальность считается сложным явлением, на основе которого происходит творческое диалогическое взаимодействие произведений, культур и эпох. В широком смысле интертекстуальность рассматривается как универсальное качество текста, а в более узком смысле как наличие конкретных и явных отсылок к предыдущему тексту. Термин «интертекстуальность» впервые предложен в 1967 году известным французским постструктуралистом Ю. Кристевой, которая сформулировала свою концепцию на основе переосмысления работ М.М. Бахтина [3, с. 432]. Текст определяется как «пермутация других текстов», в пространстве которого «перекрещиваются и нейтрализуются несколько высказываний, взятых с других текстов» [4, с. 136].

Интертекстуальность в публицистическом тексте можно считать особой формой текста, структурирующего диалог с определённой смысловой позиции. Интертекстуальность в публицистическом произведении является своего рода перспективным феноменом, т.е. текст связан с другими смысловыми оттенками и выступает как своеобразный микротекст в общей характеристике макротекста. Белорусский учёный С.В. Зеленко подчеркивает: «Творческая деятельность автора в эпоху постмодерна заключается не в написании (создании) нового текста, а только в осмыслении, интерпретации, переработке, трансформации, заимствования более раннего или современного ему корпуса текстов, предыдущих источников информации с последующим созданием коллажного по своей структуре произведения» [1, с. 28].

Как одна из важных категорий текста, интертекстуальность является весьма характерной для белорусской художественной публицистики. Талант и неординарное мировоззрение белорусского писателя В. Казько позволяют проследить тенденцию приобщения белорусской национальной литературы к европейской интеллектуальной традиции. Интертекстуальные вставки помогают писателю-публицисту актуализировать проблемы ответственности человека перед природой, власти перед

обществом, последствия Чернобыльской трагедии и др. В анализируемом художественном дискурсе В. Казько «Спаси и помилуй нас, чёрный аист» характерно применение библейских, исторических аллюзий, литературных цитат, которые придают произведению иронический подтекст, создают яркую колоритную атмосферу времени, в котором разворачиваются события, помогают чётко увидеть разницу в мировоззрении разных поколений. Так, в частности, В. Казько в названном дискурсе целенаправленно обращает внимание своего читателя на проблему языковой политики в стране: «*Што ты заладзіў сваё “не”. Ты што, другіх слоў не ведаеш. Руская ж мова вялікая і магутная* (подчёркнуто мной – Н.Ш.)» [2, с. 19]. Данное интертекстуальное включение показывает восприятие русского языка людьми разных социальных групп. Замеченная наблюдательным читателем реминисценция относится к словам классика русской литературы И. С. Тургенева: «*Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!* (подчёркнуто мной – Н.Ш.) *Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!*» [5, с. 16].

Глубокое писательское осознание исторического прошлого народа и страны позволило мастеру слова В. Казько иронически сопоставить лозунги и призывы советского времени с действительными реалиями жизни: «*<...> фабрыкі – рабочым, зямлю – сялянам. Мо і возьмуць фабрыкі рабочыя. Фабрыка ж што лялька, чаго яе не ўзяць. А зямля, яна цяжкая і брыдкая. Вунь як гняць грудзі іх дзядам і прадзедам. А ўсё таму, што аднойчы яны яе ўзялі. І на Салаўках, Кальме і Магадане іх паклаі ў зямлю без магіл, труны і крыжоў. Але з зямлёю яны і ў зямлі. Хто з зямлёю да нас прыйдзе, той у зямлю і пойдзе. “Верны шлях” ёсць верны шлях. Правільнай дарогай ідэце, товарищи* (подчёркнуто мной – Н.Ш.)» [2, с. 31]. Автор искренне делится со своим читателем выразительным несопадением жизненной реальности с тем, что преподносилось советской пропагандой, причём с иронией интертекстуально сопоставляет в следующих строках реальную картину общественной жизни в стране с пафосным настроением песни И.О. Дунаевского на слова В. Лебедева-Кумача «Песня о Родине»: «*Па смерць і жыццё, хлеб і свабоду станавіліся ў чэргі: ад Крамля да самых да краін* (подчёркнуто мной – Н.Ш.)» [2, с. 30].

Результатом художественного и публицистического осмысления проблем исторической памяти, а также отношений личности и социума, связи столетий и поколений выступает Чернобыльская катастрофа как одно с центральных событий, осмысленных в художественно-публицистическом ключе в названном произведении В. Казько «Спаси и помилуй нас, чёрный аист». Так, по-мастерски введённая писателем интертекстуальная библейская символика и иносказательное описание трагедийных событий 1986 года экспрессивно, с помощью аллегории и метафор, позиционируют читателю звезду Полюнь как знак катастрофы, о чём свидетельствуют следующие строки: «*Зямля, што з табой сатварылі твае дабрадзеці і карміцелі! Белая святая зямля пад белымі крыламі тваіх боскіх птушак-буслоў, як ты перавярнулася ў год тысячагоддзя пасля прыняцця крыжа. Прыйшла, упала зорка Палын,* (подчёркнуто мной – Н.Э.) *і ты ўжо больш не белая. Ты сёння чорная на ўсё наступнае тысячагоддзе. Бог кінуў у твае воды дрэва, і зрабіліся яны салодкімі. Чалавек кінуў у тыя ж воды нешта нябачнае, і зрабіліся яны горкімі яму. Яснавяльможныя айцы-свяціцелі аказаліся вялікімі лгунамі, ішлі як пасланнікі раю, а абярнуліся ў пасланцаў некла. Хлябцы ў іх руках ператварыліся ў вугаль. Аліўкавая галінка пабаравела і скрываела, бо то была не галінка, а меч. Голуб і галубка клююць людскую пячонку*» [2, с. 64].

Проблемное поле Чернобыльской катастрофы формирует проблему переселения деревень, причём экологическая проблема актуализируется в масштабах жизни отдельного человека, страны, Вселенной. Используемые автором прецедентные имена как один из приёмов создания интертекстуальности помогают писателю создать эпический образ людей зоны радиоактивного загрязнения: «*Дзед каля мёртвай яблыні з нежывымі яблыкамі аберагаў ад мёртвых неспажыўных гусей таксама мёртвае атрутнае жыта, старая варыла варэнне з тых мёртвых яблык, – палескія атамныя Адам і Ева* (подчёркнуто мной – Н.Ш.) *часоў перабудовы і галоснасці*» [2, с. 67]. В художественно-публицистическом дискурсе В. Казько достаточно часто упоминаются реминисценции, прецедентные имена, строки из знаменитых советских песен, в которых восхвалялось светлое будущее советского общества. Таким образом, названное цитирование как приём интертекстуальности усиливает контраст между надеждами людей и реальностью, которая настигла их в жизни.

Таким образом, через интертекстуальные включения писатель-публицист обращается к далёкому прошлому, проводит параллель с днём сегодняшним. Жанровое разнообразие художественно-публицистического дискурса общепризнанно считается областью непрерывного творческого поиска наиболее целесообразного решения задач, выдвигаемых потребностями жизни. Каждое произведение, выстраивая своё интертекстуальное поле, создаёт новый текст. Нельзя отказаться от «условной авторской формулы “я полагаю”, причём отказаться от неё означает отказаться от полемики, дискуссий, выражения авторского мнения по насущным вопросам политики, культуры, морали и т.д.» [6, с. 25]. Благодаря интертекстуальности, текст вводится в более широкий культурно-литературный контекст.

1. *Зелянко С.* Інтэртэкст у публіцыстычным маўленні. Мінск: БДУ, 2012. 195 с.
2. *Казько В.* Выратуй і памілуй нас, чорны бусел: аповесці, апавяданні, эсэ. Мінск: Маст. літ., 1993. 284 с.
3. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427-457.
4. *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: Рос. полит. энцикл., 2004. 374 с.
5. *Тургенев И.* Литературные и житейские воспоминания. Москва: Правда, 2017. 386 с.
6. *Шандроха Н.Э.* Риторическая аргументация в белорусском художественно-публицистическом дискурсе // Вестник науки и образования, 2019. № 24 (78). Ч. 3. С. 23-26.